

МАРИНА ГЛАДКОВА

A movie poster for the film 'The Ugly King'. It features two young boys standing back-to-back in a dark, misty forest at night. The boy on the left has dark, curly hair and wears a dark blue tunic with a large, light-colored fur collar and ornate metal clasps. The boy on the right has light, messy hair and wears a simple brown tunic. The background is a dark forest with tall evergreen trees and a faint, glowing light source in the distance. The title 'УРОДЛИВЫЙ КОРОЛЬ' is written in large, stylized, metallic letters at the bottom.

УРОДЛИВЫЙ
КОРОЛЬ

Марина Гладкова

Уродливый король

<https://litres.ru/74303542>

SelfPub; 2026

Аннотация

Долгожданный светловолосый наследник Торви родился уродом. В мире, где по пророчеству именно такой наследник способен спасти королевство, его существование является позором для отца-короля. С детства Торви привык быть шутком, изгоем, тенью своего красивого брата-близнеца Эйрика. Но однажды роковой день стирает всё прошлое: в королевство вторгаются пираты, и братья оказываются в плену на диком острове.

Среди грязи, голода и издевательств Торви предстоит не просто выжить, а столкнуться с тайнами своего рождения. Сможет ли он принять свое предназначение, или после всего выберет спокойную жизнь вдали от королевства?

Содержание

ГЛАВА 1: ДОЛГ КРОВЬЮ	6
ГЛАВА 2: ИДЕАЛЬНЫЙ ВЫРОДОК	12
ГЛАВА 3: ЧЕРНЫЙ ПАРУС НА ГОРИЗОНТЕ	18
ГЛАВА 4: ПЛЕТЬ И БУЛКА	41
ГЛАВА 5: ДЫМ НАД ЗАМКОМ	59
ГЛАВА 6: НОЖ В ГРУДИ И КОРОНА В ПЕПЛЕ	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Марина Гладкова

Уроливый король

“Говорят, что боги метят избранных. Но никто не говорит, как именно выглядит эта метка. Часто её принимают за уродство. И часто — ошибаются.”

Тьма сгущалась между деревьями, окутывая тропический лес плотным, спустившимся на него мраком. Воздух был тяжелым от влаги, пропитан запахом прелых листьев и сырой земли. В ночной тишине то и дело раздавались шорохи, щелканье насекомых, крики невидимых существ.

И вдруг, резкий шелест, треск веток. Кто-то стремительно пробивался сквозь заросли, срывая листья, спотыкаясь о переплетенные корни.

Босые ноги девочки, лет четырнадцати, мелькали среди буйной зелени. Она бежала, не разбирая дороги, сердце бешено стучало, и вся грудная клетка горела огнем. Дыхание сбивалось, в горле стоял ком, но она не останавливалась. Лишь на мгновение обернулась, и тут же рванула вперед с новой силой.

За ней, в нескольких шагах, гулко ухали по земле тяжелые сапоги. Пираты. Их лица скрывала тень. Они продирались сквозь чащу, не сбавляя темпа.

Девочка рванула вперёд, из последних сил, но в тот же

миг что-то подхватило её за лодыжку. Она споткнулась об корень, торчащий из земли, вскрикнула и рухнула на сырую землю.

Пираты настигли ее в мгновение ока. Один из них, рыжий огромный мужчина, схватил девочку за локоть и грубо приподнял над землей. Она едва дышала, в глазах застыл страх.

Пират оскалился, глядя на нее:

— Ну что, попалась?

ГЛАВА 1: ДОЛГ КРОВЬЮ

Лес буквально захлёбывался под ливнем. Каждая вспышка молнии на миг останавливала время, выхватывая из мрака ослепительно-белые контуры бури: искривлённые деревья, потоки воды, срывавшиеся с каждой ветки. За светом следовал оглушительный грохот. От него дрожал не только воздух, но и кости внутри. Земля буквально уходила из-под ног, размытая в сплошное месиво. Шквалистый ветер ворошил кроны, вздымал водяную пыль и заставлял стволы кланяться такой сильной стихии.

Среди этого бушующего хаоса, прижавшись к опушке, стоял старый домик. Он был так низок и неуклюж, что напоминал забытую походную палатку, которую вот-вот сорвёт шквалом. Казалось, ни одна живая душа не посмеет нарушить его убогое уединение. Но дверь хижины тихо скрипнула, впуская внутрь порыв влажного ветра. На пороге стоял светловолосый мужчина. Его дорогой плащ, промокший насквозь, тяжёлыми складками обвис на плечах. В следующую же секунду вспышка молнии обрисовывала контур вокруг его массивного тела. Мужчина тяжело дышал. Каждый его шаг внутрь дома сопровождался противными шлепками мокрой обуви по сухому деревянному полу. И только теперь запах ударил ему в нос: внутри пахло дымом, сушёными тра-

вами и сырой землёй.

В глубине хижины, у грубо сколоченного стола, спиной к входу, стоял старик. Его худощавую фигуру скрывала потёртая холщовая ряса. Он не обернулся ни на скрип двери, ни на шаги — всё внимание было поглощено работой: старые руки спокойно и точно соскабливали тонкой костяной пластинкой кожицу с какого-то корня.

Мужчина сделал шаг вперёд, и свет очага выхватил из полумрака его глубокий, почти до земли, неестественный для человека его положения поклон. Он замер так на несколько долгих секунд. Старик не обернулся, даже глаз не поднял. Тишина становилась невыносимой. Тогда мужчина, так и не выпрямляясь, начал говорить глухим, надтреснутым голосом:

— Мудрец... Я не хотел вас беспокоить, но мне больше не к кому идти. Я знаю, что вы можете видеть то, что скрыто от других...

Его слова повисли в воздухе, не найдя отклика. В ответ лишь ровный, методичный скрежет. Лезвие снимало тонкую стружку за стружкой, и они падали, пополняя груды у его ног. Старик не оборачивался. Таких, как этот промокший вельможа, приходило много: с мольбами, со сломанными судьбами, с золотом. Все ждали ответов. А ему нужно было настроить кореньев на ужин да подправить расшатавшуюся ножку стола.

Секунды тянулись, натягивая молчание как струну. Кап-

ли с плаща гостя падали на пол, оставляя тёмные кляксы на досках.

— Мне очень нужна ваша помощь, — голос его дрогнул.
— Я совсем отчаялся.

Скребущий звук прекратился. Старик замер, а затем медленно поднял голову.

— Ты ведь король Алрик Отчий?— голос старика был глух и безразличен. — Люди прозвали тебя отцом народа.

Король медленно выпрямился, а на лице застыло недоумение.

— Откуда вы?..

— Не трать время. — отрезал он — Чего ты хочешь?

Алрик сделал шаг вперёд, его осанка вновь обрела королевскую твёрдость.

— Год назад мой сын, посчитавший себя обделённым, провёл врагов в королевство. Сперва грабили тихо, а потом каждое утро мне начали докладывать: сожжена ещё одна деревня, перебита ещё одна стража. А теперь он собирает войска у стен столицы! Его меч уже занесён над горлом моего народа! — голос сорвался, но потом стал тише, уподобляясь мольбе. — Я прошу не о троне и не о мести... Скажи лишь одно: как спасти тех, кто ещё дышит? Как остановить эту чуму?

Старик на мгновение замер, будто перебирая в пальцах что-то невидимое. Черета мыслей протекала в его голове и на мгновение показалась малозаметная улыбка. Наконец он

медленно повернулся к королю. Алрик сразу склонил голову. Старик смотрел куда-то поверх его плеча, словно сзади короля кто-то есть.

— На что ты готов пойти? Чем пожертвуешь?

— Всем. Вплоть до себя. Мой народ, вот что для меня главное. Он не виноват в моей ошибке. Это я не сумел воспитать сына.

Старик, не глядя на короля, протянул руку и его пальцы обхватили посох. Древесина, впитавшая пыль тысячелетий, с глухим стуком коснулась пола. Старик медленно провёл наконечником по кругу. Навершие скрежетало, оставляя после себя ровный, словно вымеренный, желобок. Затем он зачерпнул горсть холодного пепла из потухшего очага. Серый порошок медленно просыпался сквозь пальцы, ложась в центр круга. Пепел вспыхнул беззвучно холодным, синим пламенем. От его фосфорического сияния в хижине не стало ярче, а наоборот. Тени на стенах, что до этого лежали неподвижно, оторвались от камня, поползли, сплетаясь и разрываясь, начиная складываться в хаотичные, жуткие мозаики: светловолосый мальчик с короной из сплетённых прутьев на голове... каменные башни, рушащиеся как карточные домики... море обезумевших лиц, бегущих в панике... одинокий остров, затянутый дымкой, словно духами. А над всем этим, венчая и разрушая видения, бушевал яростный, всепоглощающий вихрь. Он выдирали с корнями древние дубы.

Алрик отпрыгнул назад, рука само собой легла на рукоять

меча.

— Это то, что меня ждет? Что за ураган? Куда еще хуже?!

— Тише, — шипяще прошептал колдун, не открывая глаз.

Видения продолжали метаться по стенам. Старик зажмурился еще сильнее, его пальцы сильнее вцепились в посох. Губы беззвучно шептали слова, которые съедал треск огня. Он резко поднял голову и его глаза, казалось, видели сквозь время.

— Ты станешь ему опорой... через века. Твой род даст ему силу.

— Кому?

— Мальчик с лунными волосами, твой потомок. Он возродит то, что ты не смог спасти, а потом поможет мне!

— Когда?!

— Сама судьба решит это! — говоря это, старик все еще находился словно в трансе — Вот твоя плата, ты заплатишь своим потомком, этим мальчишкой!

— Но как же...

Дым синего пламени рванулся к потолку, на миг выжет всё перед глазами короля. Алрик зажмурился, и когда через секунду открыл глаза в хижине никого не было. Пропали и котелок, и связки трав, и сам старик. Стеллажи стояли пустые, покрытые толстым слоем пыли, будто здесь уже века никто не жил. Алрик шагнул назад, ладонь сама вновь легла на рукоять меча. В гробовой тишине громко стучало его собственное сердце. На полу, в центре обугленного круга,

лежали лишь две вещи: меч в простых ножнах да свернутый в трубочку пожелтевший клочок пергамента. Король медленно опустился на одно колено и развернул записку. Брови резко сдвинулись, глаза прищурились, впитывая строки. Он прочитал. Перечитал их еще раз. И еще. Его взгляд застыл на последней строке. Пальцы впились в бумагу, готовые разорвать хрупкий пергамент. Другая рука уже лежала на рукояти нового меча с необычной кнопкой на конце.

ГЛАВА 2: ИДЕАЛЬНЫЙ ВЫРОДОК

Спустя столетия.

В длинной галерее, где с потолка свисали тяжелые бархатные знамена, король Харальд стоял перед стеной, сплошь увешанной портретами его предков. Его королевское одеяние, тёмно-красный камзол из затканной золотом парчи сидел безупречно, подчёркивая широкие плечи и осанку. Темные волосы, поседевшие у висков, были с тщательностью убраны назад, а нос с характерной горбинкой был слегка вздернут.

Рядом, отступив на почтительный шаг, замер слуга в простом, но безукоризненно опрятном кафтане. Рядом с королем слуга казался карликом: он был на две головы ниже, но в три раза шире.

Всё внимание Харальда было приковано к стене. Он медленно провел ладонью по резным рамам, его пальцы скользили по слоям пыли, осевшей на изображениях темноволосых мужчин с суровыми лицами.

— Ты знаешь, сколько поколений моих предков умирало в бессильной ярости? — его торжественный голос раскатил-

ся под сводами. — Каждый раз, когда рождался очередной черноволосый выродок. Я чувствую, как проклятие сжимает нам глотки! Но сегодня... сегодня я разорву эту петлю!

— Д-да, мой король, — слуга сглотнул, не поднимая глаз.

Харальд повернулся к галерее, его голос нарастал, наполняясь лихорадочной энергией.

— Я нашел её! Беловолосую, как утренний снег, чистую, как первый свет! И сегодня... сегодня наконец родится наследник со светлой головой! И по пророчеству именно мой сын станет великим правителем! Отец... — король на мгновение запнулся, его взгляд устремился к портрету воина в доспехах. — Мой отец будет гордиться мной на небесах! Все наконец идеально.

— Да-да, как изволите, ваше величество — пробормотал слуга, снова склоняясь в поклоне.

Король резко обернулся к нему.

— Ты сомневаешься?

Слуга замер, будто врос в каменный пол. Затем его тело согнулось в серии судорожных поклонах.

— Н-нет, мой король! Ни в коем случае!

Харальд коротко хмыкнул, повернулся обратно к стене и снова провел рукой по портретам. На этот раз его жест был властным, почти триумфальным.

Вдруг, из-за угла темного коридора осторожно выглянула служанка Агафья. Добежав сюда сломя голову, она пыталась теперь отдышаться, но радостное возбуждение все еще

горело у нее на лице. Щеки пылали от быстрого бега, из-под простого чепца выбились русые пряди волос. Увидев короля, она расплылась в широкой, счастливой улыбке.

— Мой король! Королева Эйра родила первенца!

Король Харальд резко обернулся. Его лицо озарила не просто улыбка, а торжествующая ухмылка, растянувшая губы. Он показательно поправил камзол и с напускным достоинством шагнул вперед. Каждый его шаг отдавался глухим стуком по каменным плитам и сопровождался отрывистым ковылянием, так как левая нога заметно хромала, выбиваясь из ритма торжественного шествия.

Достигнув двери в покои, король Харальд широко её распахнул. За ширмой монотонно и сдавленно стонала королева. Харальд не удостоил ее ни взглядом, ни словом. Его внимание было неотвратимо приковано к колыбели, которую повитуха выкатывала из-за ширмы. В ней, туго запелёнатый в белую простыню, кричал новорожденный.

Король шагнул к люльке, его лицо было напряжённо. Глубоко вздохнув, он замер на секунду, будто собираясь с духом, а затем дрожащей рукой откинул край простынки. Взгляд упал на редкие, но явно светлые волосики на голове младенца. Сердце короля ёкнуло и замерло. На мгновение в его глазах вспыхнула лихорадочная радость, торжество, граничащее с безумием. Резким движением, почти яростным, он сорвал ткань с лица ребёнка.

И застыл.

То, что открылось его взгляду, было чудовищным. Перед ним лежало перекошенное, уродливое личико. Кривой ротик, неестественно скошенный подбородок, веки, сросшиеся в сплошную складку кожи. Младенец был не просто некрасив, он был обезображен самой природой.

Всё в короле сжалось в один ледяной ком. Лицо исказилось гримасой не то ужаса, не то глубочайшего оскорбления. Он резко отдернул руки от люльки, будто обжегшись о саму реальность этого уродства, и, скривившись, повернулся к Агафье, стоявшей в оцепенении.

— Это что?! — резко крикнул он.

Агафья беспомощно открыла рот, желая сказать что-то, но понятия не имела, что можно выдать в такой ситуации. В этот момент из-за ширмы повитуха выкатила вторую люльку. Служанка замерла, вцепившись в край фартука. Харальд медленно подошел и с осторожностью откинул край простынки. В люльке лежал обычный, спокойный младенец. Его головка была покрыта темным, еще влажным пушком.

Король смотрел на второго младенца с каменным лицом, затем резко развернулся к Агафье.

— Запомни, сегодня родился только один принц. И если кто-то узнает иное, я сделаю так, что даже память о тебе исчезнет. Теперь убери это... создание с моих глаз. И позаботься, чтобы никто из присутствующих не проболтался.

Агафья, вся дрожа, попыталась возразить:

— В..ваше величество... простите... что мне с ним делать?

— Да что угодно! —крикнул король.

Он резко развернулся и вышел из покоев, не оглядываясь, тяжело ступая своей больной ногой.

За ширмой королева Эйра, бледная как полотно, лежала без сил. Тихие слезы катились по ее вискам, впитываясь в подушку. Повитуха бережно положила ей на руки второго младенца, того, что с темным пушком на голове. Агафья медленно подошла к первой колыбели. Она невесомо провела пальцем по неровностям кожи на личике малыша. Служанка тяжело вздохнула, но в уголках ее глаз собрались лучики тепла, а губы дрогнули, слабо приподнявшись в усталой, но нежной улыбке.

Король Харальд тем временем быстро шел по длинному коридору. Он свернул в один проход, затем в другой, не замедляя хода, пока не достиг массивной дубовой двери своего кабинета. Он резко толкнул ее, влетел в помещение и с силой захлопнул ту за собой.

Просторное помещение тонуло в полумраке, сквозь высокое окно пробивался лишь тусклый лунный свет. В центре стоял большой стол, темное дерево которого казалось черным. Харальд тяжело опустился в кресло за ним. Он рыв-

ком выдвинул ящик, извлек оттуда толстый кожаный фолиант в потертом переплете и швырнул его на стол. Рядом, с глухим стуком, поставил хрустальную чернильницу. Он обмакнул перо, с силой прижал его к желтоватой странице и вывел, вдавливая буквы в бумагу:

«Не позволю, чтобы у власти стоял уродливый король».

ГЛАВА 3: ЧЕРНЫЙ ПАРУС НА ГОРИЗОНТЕ

Спустя двенадцать лет.

Торви стоял, прислонившись спиной к холодной каменной стене у двери, его руки были скрещены на груди. Светлые, красивые, почти белесые волосы падали ему на лоб, резко контрастируя с неровными, уродливыми чертами лица. Краем уха он слышал, как из полумрака коридора к нему приближались двое стражников в кольчугах, держа при себе копья. Заметив мальчишку, они замерли и довольно улыбнувшись, обменялись короткими взглядами.

— Хей, уродец, ты чего тут спальню принца Эйрика караулишь? Чего удумал? — бросил первый стражник, остановившись перед мальчиком.

— Иди-ка лучше помогай своей мамашке картошку чистить. Или говно за ослами убирать — хихикая добавил второй.

Оба стражника, довольные своими шутками, переглянулись и громко рассмеялись. Торви лишь нахмурил брови.

— Она не упоминала, что нужно будет подбирать говно за вами — его голос прозвучал равнодушно.

Ухмылки мгновенно сошли с лиц стражников. Первый сделал резкий, угрожающий выпад вперед.

— Что ты сейчас сказал, выродок?

Внезапный скрип петли заставил их замереть. Дверь отворилась, и на пороге появился принц Эйрик. Его статная фигура с безупречной выправкой была облачена в тонкий шелковый дублет, сидевший на нем безукоризненно. Лицо было красиво: чистое и гладкое, без намёка на недостатки. Темные, слегка волнистые волосы, придавали ему некого шарма.

Стражники тут же склонились в почтительном поклоне.

— Ваше высочество!

— Доброго утра, принц Эйрик!

Эйрик слегка кивнул в ответ, одним вежливым махом руки указывая стражникам оставить их. Торви, стоя в стороне, наблюдал за этой сценой с озорной усмешкой. И пока охранники, бросив последний злобный взгляд, уходили, Торви смотрел им вслед с удовлетворением. Когда последний из них скрылся за поворотом, светловолосый парнишка повернулся к брату.

— Если бы я знал, что ты будешь собираться так долго, как девчонка перед балом, я бы взял себе книжку. Ну или хотя бы стул.

Эйрик смотрел на него, стараясь сохранить невозмутимость, но уголки его губ предательски дрогнули, выдав легкую улыбку.

— Твоё красноречие достойно лучшего применения,

брат. — Торви слегка, насколько это вообще было возможно, приподнял бровь. — Идем, нас давно ждут на завтрак. — Эйрик зашагал в сторону королевского обеденного зала.

Торви с лёгкостью оттолкнулся от стены и неловко заковылял за братом. Мальчики шагали по утреннему коридору замка. Слуги, попадавшиеся им навстречу, замирали на месте и склоняли головы в поклоне, всегда и только в сторону Эйрика. Подойдя к столовой, они не успели даже замедлить шаг, как большие резные двери бесшумно распахнулись перед ними.

Зал был огромным, ослепительным, полностью позолоченным. Солнечный свет, бивший в высокие окна, дробился в хрустале люстр и отражался от полированного паркета. В центре этого сияния стоял невероятно длинный стол, а за ним восседали король и королева. Вокруг короля непрерывно двигались слуги: один подливал вино в кубок, другой подкладывал хлеб на тарелку, третий что-то тихо спрашивал, склонившись к самому уху. Это было похоже на хорошо отлаженный, но безостановочный танец, центром которого был неподвижный монарх.

Мальчики прошли к столу и заняли свои места. Слева от короля Харальда сидела королева Эйра. Её волосы были настолько светлыми, что сливались с утренним светом из окон, а кожа казалась полупрозрачной, почти фарфоровой. Она не поднимала глаз, устремив взгляд в тарелку, где её вилка аккуратно разделявала пышный омлет.

Эйрик занял место по правую руку от отца. Едва он коснулся стула, как слуги тут же окружили его: один подал подогретые яйца, другой налил в кубок свежавыжатый сок. Принц был обходителен: за каждую поданную ему вещь он тихо, но внятно говорил «спасибо», кивал в ответ на почти-тельные поклоны. Слуги обслуживали его с непринуждёнными, тёплыми улыбками.

Торви присел через одно место от брата. На него никто не обращал внимания. Он молча протянул руку к блюду с омлетом, сам положил себе порцию, отломил кусок хлеба и принялся завтракать.

В это время к королю подошел слуга со свернутым пергаментом.

— Мой король, от народа пришло много писем. Жалуются на нехватку золотых и высокие налоги. — слуга попытался вручить письмо, но Харальд даже не взглянул.

— Мне не интересно это. Наше зерно никто не покупает, а они хотят больше золотых? Еще чего.

Торви перевел взгляд на отца. В его глазах мелькнуло осуждение. Как и всегда. Харальд же непринужденно отпил из кубка.

— Ответили ли на наше письмо в королевстве Инглинг? Если их король выдаст за Эйрика младшую дочь, это поправит наше положение и мы сможем вернуться в совет девяти.

— Ответ пришел, ваше величество. — слуга опустил голову. — Но это отказ.

На секунду все присутствующие замерли. Харальд грозно взглянул на слугу, и тот словно подкошенный склонился в низком поклоне. Не дав ему выпрямиться, король резким взмахом очертил круг в воздухе:

— Всем выйти.

Слуги, словно стая испуганных птиц, безмолвно покинули столовую. Торви проводил их взглядом, затем повернулся к отцу.

— Сын мой, — король обвёл взглядом стол, остановившись на Эйрике, — полагаю, тебе известно о состязаниях между королевствами по скачкам.

— Да, конечно, отец. — Эйрик оторвался от завтрака.

— Что ж, — Харальд протянул слова, — мы давненько в них не выигрывали.

— Никогда, — тихо прошептал Торви себе под нос, закатывая глаза.

— Полагаю, это нужно исправлять. — продолжал Харальд — Сегодня утром в стойло к Бьонду доставили восточного скакуна. Говорят, он не знает себе равных. Привезли специально для тебя.

Взгляд Эйрика вспыхнул.

— Правда? — вырвалось у принца, прежде чем он смог сдержать эмоции, но тут же спохватился, приняв более почтительный тон — А мне не рано участвовать в скачках?

— У тебя как раз будет время подготовиться, — снисходительно ответил король.

Эйрик не смог удержаться и повернулся к матери. Королева Эйра подняла голову, и на ее бледном лице появилась одобрительная улыбка. Затем она жестом напомнила сыну об осанке и что вне еды, за разговором локти на стол не кладут. Мальчик мгновенно спохватился, выпрямил спину и убрал руки.

— Спасибо, папа! — снова воскликнул Эйрик. — Я не подведу тебя. Я верну уважение и честь нашему королевству!

Харальд молча кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удовлетворение.

— Не забудь об уроках. Преподаватель по наукам хвалит тебя. И ещё: учитель по этике возвращается завтра, вы продолжите занятия. — король откинулся на спинку резного кресла и взял тяжелый бокал с вином.

Торви сидел, слегка сгорбившись над тарелкой. Его вилка медленно перебирала кусочки омлета, так и не попавшие в рот. В зале повисла пауза, нарушаемая лишь тиканьем часов и звяканье столовых приборов. Мальчик то смотрел на отца, то отводил взгляд. Ему явно хотелось что-то сказать, он несколько раз набирал в лёгкие воздух, но так и не решился. Наконец Торви поднял голову. Глубоко вдохнув и выпрямив спину, он посмотрел прямо на короля.

— Отец...

Харальд повернул голову. Его брови встретились у переносицы, а взгляд оценивающе прошелся по мальчику.

— Я знаю, что второй наследник становится капитаном армии, — слова полились из Торви слишком быстро. — А можно мне в будущем быть хотя бы оруженосцем? Мое лицо будет скрыто под шлемом! Никто его не увидит! — под тяжёлым взглядом отца он сжал край стола, но заставил себя не отводить взгляд.

И в этой напряжённой для мальчика тишине Харальд вдруг громко рассмеялся. Его смех прозвучал резко и неожиданно, заставив Эйрика замереть в недоумении. В тот же миг королева Эйра осторожно коснулась руки мужа.

— Харальд, не стоит так.

— Молчать! — король ударил кулаком по столу, заставив задрожать хрустальные бокалы. Оба мальчика вздрогнули. Харальд резко повернулся к Торви, тыча в него пальцем. — Ты! Ты будешь не более чем придворным шутом! И тебе стоит быть благодарным за мою доброту к тебе! За то, что я не утопил тебя, как щенка, пока ты был младенцем. Мой отец так бы и сделал!

Торви замер на мгновение. Он сильнее вцепился в край стола, пытаясь подавить желание то ли заплакать, то ли встать и ударить отца. Мальчик сжал губы в узкую полоску, медленно поднимаясь. Стул проскрежетал по полу, отъезжая.

— Как скажете, ваше величество. Спасибо за завтрак.

Его взгляд скользнул по столу в последний раз: Эйрик смотрел на него с немой растерянностью, королева упорно

смотрела в тарелку, а король уже накладывал себе добавки, будто ничего не произошло.

Торви резко развернулся и направился к выходу, не оглядываясь, с напряжёнными плечами и спиной, вытянутой в тугую струну. Увесистая дверь закрылась за ним с глухим стуком.

В коридоре мальчик шел, шоркая ногами и прижимаясь к холодной стене. Его пальцы скользили по шершавой поверхности, цепляясь за выступы, а взгляд уткнулся в плитку под ногами. Он старался идти как можно тише, чтобы не привлекать внимания.

«За что с ним так? Какое зло он совершил отцу, чтобы тот его так ненавидел?».

Эти вопросы сидели в голове Торви занозами. Он гонял их по кругу день за днем, но легче не становилось, скорее только хуже. Каждое утро начиналось с одной и той же мысли, и каждую ночь он засыпал с ней же. Он вглядывался в лицо Эйрика при каждой встрече, надеясь в один прекрасный миг найти ответ, который объяснил бы эту чудовищную несправедливость.

Дойдя до нужного места, Торви резко свернув за угол и почти сбежал вниз по узкой винтовой лестнице.

И вот уже его шаги слышались под низкими потолками королевской кухни. Воздух был густым и горячим, пахло дымом, жареным луком и парным хлебом. Повара и служки, мельком взглянув на него, тут же отводили глаза, их ли-

да становились недовольно-напряженными. Мальчик, слегка смущаясь под этим молчаливым осуждением, пробрался в дальний угол, где у каменной стены стоял простой деревянный стол.

Там, спиной к суете, стояла Агафья, женщина лет сорока, плотного сложения, с румяными щеками. На ней был поношенный черный сарафан и белый фартук, пропитанный жиром и запахами еды. Седоватые волосы, выбившиеся из-под белого чепца, были туго стянуты и перехвачены простой веревочкой. Торви подошел к ней сзади и легонько постучал пальцами по ее плечу. Агафья обернулась, и на лице мальчика промелькнула неуверенная улыбка.

— Ой, светлячок! — ее лицо расплылось в теплой улыбке. Она на ходу вытерла руки о засаленный фартук. — А что ты тут делаешь? Сейчас же завтрак, отец будет недоволен.

— Отец? — улыбка мгновенно сошла с лица Торви. — Надеюсь, он подавится своим завтраком. Ему все равно, что я делаю. Он всегда недоволен.

— Торви! — Агафья шлепнула его свернутым полотенцем, но в ее голосе слышалась скорее забота, чем гнев. — Утихомирьте свой пыл, юный принц.

Выражение лица мальчика смягчилось. Брови расправились, взгляд опустилсЯ вниз. Он принялся водить пальцем по сколотому углу стола, словно изучая каждую щербинку.

— Так... — Агафья достала невысокий табурет, подвинула его к столу и усадила Торви. Затем протянула ему еще

теплую булочку и налила в кружку молока. — Покормить-то тебя надо. Ешь.

Агафья, повернувшись боком и снова погрузилась в работу. Её руки двигались с привычной ловкостью, превращая морковь и лук в аккуратные, ровные ломтики. Торви же сидел неподвижно, задумчиво разглядывая булочку, переворачивая ее в руках, но не откусывая.

Стук ножа стал реже, а потом и вовсе потерял свой ритм. Агафья тихо отложила лезвие в сторону. Она обернулась к мальчику. На её лице появилось выражение нежной, материнской печали. Не говоря ни слова, она подошла, мягко развернула стул Торви к себе и присела на корточки. Её руки, грубые от работы, легли ему на колени, тепло и успокаивающе поглаживая.

— Послушай меня. Я знаю, что сейчас ты зол на все, не понимаешь, что тебе делать, думаешь, что, когда подрастешь, ты будешь лишь... — она слегка помотала головой, подбирая слова.

— Шутю.

— Да, пусть будет так. Но ты себе не представляешь, какая судьба тебе уготована. Есть вещи, о которых ты не знаешь в силу возраста. Просто нужно совсем немного подождать, понимаешь? — Агафья смотрела ему прямо в глаза, пытаясь найти в них хоть искру надежды.

— О, да, я уже вижу, как мое будущее сияет, как твой фар-тук после чистки картошки, — язвительно парировал маль-

чик. — Знаешь, ты должна выступать перед войсками. После таких речей они бы точно побежали в бой с улыбкой на лице.

Уголки губ Агафьи дрогнули в улыбке.

— Да, светлячок. Давай завтракай.

Не успел Торви ответить, как дверь на кухню уверенно распахнулась и в помещение вошел Эйрик. Его осанка, поднятый подбородок и твердая походка выдавали в нем настоящего наследника. Все слуги, завидя его, тут же замерли в почтительных поклонах.

— Не стоит, — мягко сказал Эйрик, слегка склонив голову в ответ. Он направился вглубь кухни. — Агафья! — он приветствовал женщину, снова учтиво кивнув.

Агафья повернулась к нему, и ее лицо озарилось улыбкой. Она крепко обняла принца.

— Эйрик, рада и тебя видеть.

— И я тебя. — Эйрик повернулся к Торви и взмахнул рукой в его сторону. — Я знал, что найду тебя тут. Идешь?

— Куда? — без особого интереса спросил Торви.

— Как куда? На коня смотреть. — Эйрик снова обратился к Агафье. — Представляешь, я буду участвовать в соревнованиях по скачкам между королевствами. Папа приказал доставить мне самого быстрого скакуна.

— Это превосходно, Эйрик, — тепло ответила Агафья. — Ты обязательно принесёшь уважение и честь нашему государству своими достижениями.

Торви молча наблюдал за этой сценой. Его лицо остава-

лось невозмутимым.

— Так идешь? — переспросил Эйрик, не теряя дружелюбия.

— Иду, иду. Раз уж принц Эйрик сказал, — Торви с преувеличенной почтительностью поклонился брату.

Агафья бросила на него предупреждающий взгляд, без слов веля прекратить эти шуточки. Эйрик же, не обращая внимания на колкости, обнял брата за плечи. Мальчишки вышли из кухни, прихватив с собой по булке.

Они спустились по извилистой тропе, выходящей по склону холма. Под ногами хлюпала сочная трава, еще не успевшая высохнуть от утренней росы. Воздух пах сырой землей и хвоей. Позади, на вершине, величественно возвышался замок, его башни и стены четко вырисовывались на фоне голубого неба. Внизу, у подножия, раскинулся город, призрачный в утренней дымке, с паутиной узких улочек и темными пятнами крыш. А за ним простиралось бескрайнее море, сливающееся с горизонтом в одну сизую полосу.

Свернув с основной тропы, братья направились по едва заметной дорожке, ведущей в другую сторону от города.

Эйрик с наслаждением доел свою булку, смахнув крошки с пальцев.

— Какие же вкусные ватрушки!

— Можешь и мою забрать, если так понравились. — Торви протянул ему свою, нетронутую.

Солнце только начинало набирать силу, и длинные тени

от деревьев ложились на пыльную тропу. Торви шагал не по стезе, а прыгал с камня на камень вдоль ее края, каждый раз выбирая самый неровный, самый неустойчивый булыжник. Он постоянно взмахивал руками, едва не падая в высокую траву и всякий раз, в последний миг, он чудесным образом ловил равновесие. Эйрик же неторопливо шагал рядом ослабленной походкой. Руки его ровно болтались по бокам, слегка покачиваясь в такт шагам.

Вскоре тропа привела их к конюшне: длинному, низкому зданию из тёмного, почерневшего от времени бруса, сзади которого были левады. Мальчики подошли к старой деревянной двери, с облупившейся краской. Эйрик, не замедлив шага, с легким усилием толкнул ее плечом, и та, подавшись, открылась с неприятным скрипом. Он первым шагнул внутрь, а за ним, чуть выждав, последовал Торви.

Их встретил запах сена и лошадиного помета. Посреди прохода стоял плотный, дородный мужчина с аккуратной бородкой и усами. Это был Бьорн. Его большие уши и нос могли бы казаться грубоватыми, если бы не невероятно добрые и светлые глаза. Он стоял рядом с грациозным конем и вычесывал его блестящую шерсть. Увидев мальчиков, он отложил скребницу, и его лицо тут же озарилось приветливой улыбкой.

— Я-то думал, когда вы придете. — проговорил конюх. Он вышел из-за стойла к мальчишкам.

Взгляд Эйрика сразу же упал на коня, и глаза просто за-

горелись от увиденного.

— Вот это да! — единственное, что выдавил из себя принц.

— Элис! Ребята уже тут! — позвал Бьорн, поворачиваясь к дальнему углу конюшни.

— Элис?! — почти хором воскликнули братья, и в их голосах прозвучало одинаковое изумление.

Глаза Эйрика засияли с новой силой. Торви тоже заметно оживился, хотя и не так ярко, как его брат. Из-за угла вышла Элис. Девочка, примерно их возраста. Её светло-русые волосы, заплетённые в аккуратную косу, отливали золотом в косых лучах солнца, просачивающиеся через полуоткрытые створки. Карие глаза, тёплые, как мёд, широко распахнулись от неожиданности увидеть мальчиков. На ней было простое платье небесно-голубого цвета, немного выгоревшее на плечах, но чистое и свежее. В её волосах, у самого виска, поблёскивала скромная серебряная заколка в форме изящного цветка.

— Ого, наконец-то ты дома! — Эйрик стремительно подбежал к Элис и крепко обнял ее. — О Один, твое платье великолепно! Оно очень тебе идет.

— Спасибо. — девочка слегка смутилась, и легкий румянец выступил на ее щеках.

— А ты что, куда-то уезжала? — Торви стоял поодаль, наблюдая за сценой.

Элис, привыкшая к дурачествам Торви, подошла к нему

и по-дружески обняла, нежно потрепав по волосам. Улыбка Торви стала шире.

— Да, Торви. В гостях у тети было здорово, спасибо, что спросил. Смотрите, что она мне подарила. — она указала на небольшой кулон на своей шее. Мальчики тут же приблизились, с любопытством разглядывая изящную вещицу. — Тетя сказала, что это олицетворение удачи в чистом виде, — с гордостью продолжила Элис. — Этот кулон передается по наследству. Вообще он был у мамы, но после ее ухода в Хельсейм, тетя следила за ним. А теперь он мой.

— Ого! — воскликнул Эйрик, склонившись поближе.

Внезапно идиллию конюшни разорвал оглушительный грохот. Бьорн, отвлёкшись, нечаянно задел ногой пустое металлическое ведро. Оно с грохотом покатилося по полу, издавая оглушительный лязг, в то время как сам конюший лишь пробурчал что-то себе под нос. Звук заставил всех троих вздрогнуть и разом повернуться к источнику шума. Убедившись, что ничего такого нет, дети повернули головы и наконец их полное внимание привлек великолепный конь, всё это время стоявший в стороне.

Эйрик, забыв на миг и об Элис, и о брате, медленно, словно в трансе, приблизился к животному. Это был еще жеребенок, но подросток. По нему уже было видно, что отбирали его очень хорошо: крупный, с крепкими ногами и умными, темными глазами. Во взгляде Эйрика читалось благоговейное восхищение. Он медленно поднял руку и осторожно,

немного боясь, прикоснулся ладонью к бархатистой, тёплой морде, начав медленно, плавно гладить.

И вдруг конь резко и неожиданно встряхнул головой, громко и влажно фыркнув прямо в лицо принцу. Эйрик испуганно ахнул и отпрянул, отшатнувшись на пару шагов. Его королевская уверенность в мгновение растворилась в чистом, детском испуге.

Бьорн, наблюдавший за этой сценой из-за спины вороного коня, просто не смог сдержаться. Он схватился за своё пузо и разразился добродушным хохотом.

— Нельзя смеяться над будущим королем! — резко выпалил Эйрик.

— Правда? — не унимаясь, сквозь смех спросил Бьорн. — А будущему королю можно бояться лошадиного фыркания? Не дури, Эйрик. Ты же умный и добрый мальчик. — конюх обошёл стойло, подойдя к принцу, и положил руку тому на плечо — Вам нужно будет привыкнуть друг к другу, но вы быстро подружитесь.

— Он такой красивый... — Эйрик слегка виновато опустил голову.

— Ещё бы, — кивнул Бьорн. — Твой отец, наш король, лично отбирал. Выбирал лучшего из лучших.

Эйрик медленно обошёл коня вокруг, скользя взглядом по каждой мышце, каждой линии тела. Его рука вновь легла на шею животного, но на этот раз твёрже и увереннее. Жеребёнок лишь тихо фыркнул, но не отстранился.

Элис тоже подошла ближе. Она изредка дотрагивалась до гладкой шерсти. В моменте их взгляды с Эйриком встретились над спиной жеребенка. Они оба смущённо улыбнулись и тихо захихикали. Эйрик неловко потёр ладонью шею, вдруг заметив, что Элис смотрит скорее на него, чем на лошадь. Это открытие вызвало волну тепла в его щеках.

Торви, всё это время наблюдавший со стороны, прислонившись к деревянной стойке, хитро прищурился. Затем, сделав шаг вперёд, мальчик сам осторожно протянул руку. Он не пытался сразу гладить, а просто позволил коню обнюхать свои пальцы, медленно приближая их к бархатистой морде. И когда ему наконец удалось легонько коснуться тёплой кожи кончиками пальцев, лиуо его засияло улыбкой.

Эту милую картину знакомства нарушил голос Бьорна.

— Ладно, ребятки, мне нужно подготовить этого юнца, — сказал он, уже отстёгивая недоуздок со стены. — Завтра первая тренировка, Эйрик, не опаздывай. А сейчас марш на воздух, дайте деду поработать.

— Да, хорошо! — с энтузиазмом ответил Эйрик, но его взгляд всё ещё не отрывался от коня.

Ребятишки нехотя потянулись к выходу. И вот, уже на пороге, Торви замедлил шаг около стойла со старым конём. Глаза паренька задорно блеснули.

— О, смотри-ка, Эйрик! Твой близнец! — воскликнул Торви, указывая на старую лошадь. — Тот же гордый взгляд, та же грация... Да ты посмотри, даже зубы такие же! — в этот

самый момент лошадь, словно в подтверждение его слов, лениво повернула голову и оголила ряд кривых, пожелтевших от времени зубов, чавкнув губами.

Эйрик с притворной суровостью подтолкнул брата в спину, направляя к выходу, аля «ну-ка, пошевеливайся». На пороге он «случайно» подставил ногу, и Торви, не ожидая подвоха, споткнулся, взмахнул руками и шлепнулся на мягкую траву. Эйрик в это время изобразил на лице самое невинное удивление, широко раскрыв глаза и разведя руками, будто искренне не понимая, что же только что произошло. Со стороны это выглядело настолько театрально, что Элис не сдержала смешка.

Яркий солнечный свет ударил им в глаза, когда они высypались из конюшни наружу. Эйрик, словно спущенная с тeтивы стрела, рванул первым, вниз по склону, его тёмные волосы развевались на ветру. Торви, как горная коза, пустился не по тропе, а по придорожным валунам, едва касаясь их поверхности. Элис, подхватив подол своего небесно-голубого платья, помчалась следом. Их смех и крики растворились в шуме ветра и шелесте высокой травы. Ветви низкорослых кустов хлестали их по ногам и лицам, но от этого лишь прибавлялось азарта.

Они неслись с такой скоростью, что не успели сбросить

бег, даже когда под ногами вместо земли застучала каменная кладка.

И вот они уже влетели на рыночную площадь, где кипела жизнь. Их поглотила волна звуков и запахов: крики торговцев, звон монет, ароматы специй, свежего хлеба и копчёной рыбы. На их беду один из торговцев, прищурившись, узнал Эйрика.

— Эй, да это же принц Эйрик!

Толпа зашевелилась. Вслед за ним люди начали оборачиваться, и движение по улице замедлилось. Одни замирали в низких поклонах, другие, прижав руки к груди, перешёптывались, не сводя с него глаз. На Эйрика обрушился целый шквал взглядов: удивлённых, любопытных, преданных, и его детское озорство мгновенно испарилось. Он заметно смутился, плечи его поникли.

— Быстрее, ребята, давайте уйдем отсюда! — торопливо прошептал он, чуть толкая Элис в спину.

Девочка, поняв его смущение, тут же схватила Торви за руку, и они, как мелкие рыбёшки, начали протискиваться через плотную стену тел. Миновав последние прилавки, они все рванули по узкому переулку, потом свернули за сарай, и вот уже под ногами снова зашуршала трава вместо камней.

Вынырнув из городской суеты, они оказались на поляне, утопающей в цветах. Эйрик с Элис, смеясь, принялись плести венок из ромашек и васильков. Воздух здесь был очень сладким от такого огромного количества цветов. Но энергия

и азарт побега ещё не выветрились. Закончив с цветами, они снова сорвались с места, словно их снова подхватил ветер, и через минуту, спустившись с обрывистого склона, уже с разбегу ворвались на побережье.

Эйрик первым врезался в сверкающие на солнце волны, поднимая фонтаны брызг. Торви не раздумывая, последовал за ним. Элис, чуть-чуть отстав, на миг застыла на кромке, чувствуя, как ледяная вода касается ее щиколоток. Но потом вдохнула полной грудью воздух и рванула за ними.

Их смех слился с ритмичным шумом прибоя и криками чаек. Потом они свалились на тёплый, прогретый солнцем песок, чтобы отдышаться. Они строили замки с подземными ходами, которые тут же с рокотом смывала очередная волна, затевали шумные водные битвы, шлёпая ладонями по воде, пока не промокали до нитки.

Близился конец дня. Закат растекался по горизонту кроваво-золотой лужей. Ветер на пустом пирсе трепал детям волосы. В руках у каждого был камень.

— Кто кинет слабее всех, того мы бросим в воду и наречем слабаком! — Эйрик, широко взмахнув рукой, запустил свой камень. Тот, мелко завертевшись, упал далеко в потемневшую воду, оставив после себя быстро гаснущие круги.

— Мы же только высохли — Элис развела руками.

— Да без проблем! — Торви азартно встряхнул головой, сделав пару возбуждённых прыжков на месте. Он занёс руку для замаха, оттолкнулся для броска, но его нога предательски соскользнула с мокрой доски. Раздался мокрый шлёпок. Он не успел даже вскрикнуть и исчез в чёрной воде.

Элис ахнула, резко прижав ладони ко рту. Эйрик метнулся к самому краю, цепляясь взглядом за водную поверхность.

— Торви!

На воде лопнуло несколько крупных пузырей, и через секунду светловолосый парнишка вынырнул, с жадностью хватая воздух. Он откашлялся и тут же спросил, не открывая глаз:

— Ну что, достоин ли я награды за столь мастерский бросок?

Элис нервно рассмеялась, отрицательно мотая головой. Эйрик протянул брату руку.

— Давай, выбирайся, шутник.

Торви ухватился за его ладонь, вскарабкался на доски и тут же опустился на край пирса, отряхиваясь. Он выжимал воду из рукава рубашки, и с него стекали струйки, образуя темные лужицы на выгоревшем дереве.

— Агафья меня убьет. — Торви посмотрел порванную штанину. — Опять.

— Если бы не родился принцем, стал бы отличным шутком, — сказала Элис. — У тебя просто дар попадать в шуточные неприятности!

Эйрик резко замер. Его предостерегающий взгляд быстро метнулся на Элис. Торви на секунду замолчал, его пальцы, выжимавшие ткань, застыли. Потом он тряхнул головой, отбрасывая мокрые пряди волос, и продолжил с натянутой легкостью:

— Уж лучше так.

Элис растерянно посмотрела на Эйрика, но тот отрицательно затряс головой.

Торви провел мокрой ладонью по лицу, стирая воду, и вдруг замер, уставившись куда-то вдаль, за пределы пирса. Он резко напрягся всем телом.

— Эйрик...

— Слушай, Элис не хотела ничего такого сказать... — начал принц, но прервался, увидев, что Торви его не слушает. Все внимание брата было приковано к чему-то в наступающих сумерках.

— Эйрик, посмотри! — Торви резко вскочил на ноги.

Он указывал рукой вперед. Из-за далекого зубчатого мыса, медленно, словно подкрадываясь, выползал силуэт. Сперва это была лишь размытая тень, пятно в вечерней мгле, но с каждой секундой оно становилось отчетливее: мачты, темный парус, изогнутый корпус, режущий воду.

— Это корабль? — тихо спросил Эйрик.

Торви стоял неподвижно, слегка наклонив голову, напрягая зрение.

— Вы кого-то ждете? — спросила Элис.

— Нет... — Эйрик медленно покачал головой, не отрывая глаз от корабля вдали. Этот корабль был нежеланным гостем. Король Харальд рассказывал сыну о королевских делах, о том, кто приплывет и зачем. А про этот корабль Эйрик не знал. Значит ничего хорошего его прибытие не сулит.

ГЛАВА 4: ПЛЕТЬ И БУЛКА

Над тёмной водой залива нависла длинная тень корабля. Высокие мачты вонзались в предзакатное небо, а паруса, туго натянутые попутным ветром, стремительно несли тяжёлую громаду к берегу.

На носовой палубе стоял человек в плаще, отделанном мехом и расшитом замысловатыми золотыми узорами. Это был визирь. Его пальцы в белых перчатках теребили рукоять кинжала, а в другой руке он сжимал небольшой, но увесистый свёрток пергамента. Взгляд визиря был прикован к приближающемуся берегу.

— Приготовиться к причаливанию! — крикнул он.

На палубе немедленно началась отлаженная суeta.

Торви и Эйрик, добежав до гребня песчаного холма, замерли. Холм этот разделял дикий пляж и ухоженную гавань. Внизу у только что ошвартованного судна уже ждал высокий гнедой конь. Он нетерпеливо бил копытом по доскам причала. Визирь, редко приносивший хорошие новости, неспешно сошёл по трапу. Ловким движением он вскочил в седло, даже не взглянув на подавшего стремя слугу, и тронул коня пово-

дьями. Животное рвануло с места, унося всадника вверх, к тёмным очертаниям замка.

— Кто это? — спросила Элис, с одышкой наконец нагнав братьев.

Но те уже не смотрели на неё. Они переглянулись, и в этом мимолетном взгляде сверкнула тревога. Не сказав ни слова, они бросились вниз с холма, на ту самую извилистую дорогу, где только что скрылся незнакомец.

Элис осталась стоять одна, лишь разводя руками на такое поведение мальчишек.

— Ну спасибо. Тоже мне, джентльмены!

Дорога, вымощенная булыжником, тянулась вверх по холму. Визирь летел по ней, и стук копыт его коня отдавался звонким эхом в вечерней тишине.

Торви и Эйрик бежали следом. Камни уходили из-под ног, колючий кустарник, росший по краям, цеплялся за одежду. Впереди они видели лишь мелькающую спину всадника и облако пыли, поднятое копытами. Но расстояние между ними не сокращалось, оно лишь росло. Конь бежал куда быстрее, чем двое детей. Вскоре всадник исчез из их поля зрения, растворившись в наступающей темноте.

Братья, тяжело дыша, замедлили шаг, а потом и вовсе остановились. Они стояли посреди пустой дороги, опираясь руками о колени, пытаясь отдышаться. Торви без стеснения повалился на землю. Впереди была лишь пустая, темнеющая тропа и далёкие огни замка, которые начали загораться один

за другим.

Визирь резко дернул поводья, укрощая коня. Животное встало на дыбы, отбило копытами дробь по камням и замерло, недовольно фыркая.

Пыль ещё не успела осесть, как слуги метнулись вперёд, выхватывая поводья из рук мужчины. Визирь соскользнул с седла, его пальцы по-прежнему сжимали небольшой свёрток пергамента. Не оглядываясь на суматоху вокруг, не промолвив ни слова, он направился к дверям замка.

Длинные коридоры уходили вперёд. На двор спускалась ночь, и только факелы, закреплённые на стенах, освещали путь. Слуги замирали в низких поклонах, но визирь смотрел только вперед и не обращал на них внимания.

Это гордая поступь завершилась у кабинета короля. Визирь постучал в дверь и из-за дубовой толщи донёсся низкий голос:

— Проходите.

Личный кабинет его величества захлебывался во мраке. Темное дерево стен и пола пожирало свет от нескольких свечей. В центре этого сумрака, за столом, склонилась фигура короля Харальда. Свет падал на его руки и на лист пергамента, по которому быстро скользило гусиное перо.

Визирь вошел и замер на пороге. Он склонился в глубо-

ком поклоне.

— Мой король — Харальд не прервал письма. — Мой король, должен срочно доложить важную весть. — голос визиря звучал сдержанно-напряженно. — В королевство Инглинг вторглись пираты.

Перо замерло. Острие зависло над бумагой, оставив кляксу, которая медленно поползла по волокнам пергамента. Харальд отложил его в сторону, сложил руки на столе, сцепил пальцы в замок и только затем поднял взгляд.

— Это наш ближний сосед на востоке, — продолжил визирь. — Мой король, предполагаю, что нам нужно...

— Напасть на то Инглинг.

— Ваше величество?! — визирь дернулся, глаза расширились. — Мой король, я хотел бы предложить вам усилить оборону. Пираты славятся тем, что нападают на королевства, а потом на их соседей. Когда Инглинг будет обескровлен...

Король встал, не дав договорить. Визирь невольно сделал полшага назад, тень от монарха накрыла его целиком. Харальд молчал, только на переносице резко обозначилась складка, глаза сузились и казались черными.

Мальчишки ворвались в замок через черный ход. Раскрасневшиеся, запыхавшиеся, они неслись по коридорам, и их шаги глухим эхом разнеслись под сводами. Слуги в серых

одеждах шарахались к стенам, прижимая к груди корзины с бельем и кувшины. Пожилой охранник у поворота лишь качнул головой и усмехнулся, он знал этих сорванцов. Один из служак, молодой парень, едва успел поднять поднос с оловянными кружками. Он закачался на месте, и посуда загремела, готовая рассыпаться по полу. Эйрик, пробегая мимо, задержался, притормозив перед этим парнем.

— Простите, мы...

Но он не успел договорить как рука Торви вцепилась ему в запястье и дернула вперед так сильно, что Эйрик едва не потерял равновесие.

— Потом! — прошипел Торви.

И они снова понеслись дальше.

Оказавшись на месте, Торви вжался спиной в стену рядом с дверью служебных покоев короля и приложил палец к губам. Азарт так и сверкал в его глазах.

— Тихо...

Они оба замерли, прислушиваясь к голосам по ту сторону двери.

В коридоре вдруг потемнело. И тишина стала какой-то не такой: гнетущей, тревожной, напряженной. Торви медленно повернул голову. Сзади, почти вплотную, стоял охранник. Ручищи сложены на груди, кольчуга поблескивает в полусвете факелов. Смотрел он сверху вниз, и взгляд этот не предвещал ничего хорошего.

— Что вы тут забыли?! Особенно ты, оболтус! — его тол-

стый палец, похожий на сосиску, устремился прямо на Торви.

В этот момент мимо, неся стопку свежего белья, проходила Агафья. Охранник, заметив ее боковым зрением и не отводя глаз от мальчишек, рывкнул ей:

— Эй, ты! Тебе же было сказано глаз с них не спускать! Они короля самого подкарауливают! Не по чину это принцу! А этого мерзкого щенка за такое выпороть надо!

Агафья остановилась и тяжело вздохнула. Она медленно обернулась. Сначала ее усталый и всепонимающий взгляд скользнул по двум виновато опущенным головам, по взъерошенным волосам, по одежде, испачканной землей и песком. Потом она подняла глаза на охранника.

— Ну, если б я за каждым их шагом следила, у меня б ноги уже отвалились, — сказала она ровным голосом. — Может, вам на смену прийти? У вас, гляжу, силенок побольше.

Не дожидаясь ответа, она шагнула к мужчине, сунула ему корзину с бельем, а сама, схватив мальчишек за локти, развернула их от двери и поволокла прочь.

— Ну-ка, марш отсюда, пока я вас не отправила полы на кухне скоблить!

— Я будущий король! — попытался выпрямиться Эйрик, но его рука прочно сидела в ее хватке. — Мне негоже полы мыть! Ты не имеешь право так говорить со мной!

— Корона на голове рукам работать не мешает, золото мое, — парировала Агафья, не сбавляя шага и таща их за

собой по коридору. — Ишь, какой нежный вырос.

Мальчики отчаянно упирались, но против ее мертвой хватки и уверенного напора были бессильны.

— Агафья, это важно... — начал Торви, пытаясь вывернуться.

— Важное подождет, а короля не подслушивают. Идите, пока больших бед не натворили.

И она повела их прочь, подальше от этого коридора.

Спустя пару дней

Торви почти уснул за учебным столом, подперев ладонью щеку. Голос учителя, мерно бубнящий о тактиках и периметрах, превратился в далекий, однообразный гул. Взгляд мальчика, остекленевший от скуки, давно уплыл в окно, за которым вдалеке виднелась бухта. Там, на глади воды, едва шевелились силуэты кораблей.

Учитель, расхаживая перед кафедрой с раскрытым фолиантом и увлеченно жестикулировал.

— ...и именно поэтому стратегия обороны должна быть гибкой, подобно...

Эйрик сидел прямо, кисть скользила по пергаменту, старательно выводя буквы. Он изредка кивал, ловя смысл.

Торви оторвался от окна и оглядел кабинет. Учитель сто-

ял спиной к нему у карты, а Эйрик уткнулся в конспект. Уголок его рта дрогнул в хитрой улыбке. Всем, как всегда, было всё равно на него, и такой расклад шёл ему на пользу. Он бесшумно сполз со стула, да так плавно и тихо, будто тело его стало тенью. Шаг. Еще шаг. Дверь была чуть приоткрытой сквозняком, и мальчишка легко протиснулся в коридор, не издав не звука.

Он распахнул тяжелую штору в коридоре, скрывавшую высокое арочное окно. Ослепительный свет хлынул внутрь и Торви замер.

Бухта, еще час назад тихая, теперь кишела движением. Не два-три судна, чтобы были видны ему из учебной комнаты, а целая флотилия: десяток длинных, низких кораблей с натянутыми парусами отплывали от берега, выстраиваясь в клин. Весла вздымались и опускались в едином ритме, сверкая на солнце и унося корабли на восток.

Глаза Торви, до этого сонные, расширились, вобрав в себя весь этот величественный спектакль. Он никогда не видел такого большого количества кораблей, уходящих из бухты. Ничего хорошего за собой это явно не несло.

В следующее мгновение он уже не стоял на месте. Торви сорвался, помчавшись не в класс, а в противоположную сторону, туда, где за резной дверью должен был находиться король.

Мальчик влетел в коридор, миновал несколько поворотов и почти пролетел по лестнице, не сбавляя шаг. Когда он на-

конец добрался до нужного места, то замер, чтобы отдышаться. Перед ним оказалась знакомая дверь, за которой снова глухо слышались чужие голоса. Дверь была закрыта, и он понимал, что нужно немного приоткрыть замок, чтобы четко расслышать, о чем там говорят.

Он опустился на колени, взялся за край створки и начал медленно, без единого звука, отводить её от косяка. Сердце колотилось, но руки не дрожали. Щель расширялась волосок за волоском. Наконец он замер и припал глазом к узкому проёму.

Отец стоял спиной к нему. У большого окна, его фигура была темным силуэтом на фоне светлого неба. В комнате были еще двое. Глава армии, громадный, в потускневшей от времени кольчуге. Он не стоял смирно, а переминался с ноги на ногу. Рядом, бледный как полотно, замер главный советник.

— У нас не хватает воинов на восточном фронте, — заявил глава армии.

— Мой король, их стоит отозвать, пока не поздно, — тут же отчетливо добавил советник. — Пока флот не вошел в чужие воды...

Король резко развернулся от окна. Его лицо, увиденное Торви в профиль, было перекошено презрением, смешанным с яростью.

— Кто из вас тут король и кому дана власть?! — прогремел его голос. — Я спросил, как улучшить ситуацию, а не

как отменить всё! Имейте совесть!

Торви, прижавшись к щели двери, непроизвольно сморщился. Он ненавидел этот отцовский тон, ненавидел это лицо. Внутри него все кипело, так и хотелось выскочить, вмазать ему, сбить с него эту королевскую спесь. Иногда он фантазировал, что становится сильнее отца, представлял, как заставляет его извиняться перед всеми, кому тот причинил боль.

И сейчас из подобных воображений его выхватила тяжелая, грубая рука, впившаяся ему в шиворот сзади. Торви резко дернулся от неожиданности, но хватка была железной. Мальчика, словно котенка, оторвали от пола, так что ноги его беспомощно забились в воздухе. Взрослый мужчина легко тряхнул его.

— Вы только посмотрите, оболтус опять подслушивает разговоры государственной важности! — прогремел охранник, заходя в кабинет. — Надо его на яму на пару дней! Прочитать как следует! По-другому это отребье не понимает!

— На яму? Что?! Нет! — взвизгнул Торви, отчаянно пытаясь вывернуться.

— Что прикажете с ним делать, ваше величество?

Король медленно перевел взгляд на сына. Он смотрел отстраненно, устало. Сейчас Торви был для него досадной помехой. И в этом отстранении Торви уловил слабую надежду. Может, сейчас, здесь, перед другими...

— Отпустите! Отец, пожалуйста! Я же ничего не сделал!

Слово «отец» прозвучало в тишине кабинета, как взрыв. Генерал и советник застыли. Охранник, охваченный растерянностью, на мгновение ослабил хватку. Никто из присутствующих не знал о близкой родственной связи короля и этого уродливого мальчишки.

Король медленно повернулся всем корпусом. В его глазах вспыхнул сначала страх за возможно раскрытую тайну или намеков на это, а затем, мгновенно, его всего поглотила ледяная ненависть. Ненависть к тому, что только что прозвучало, к тому, что было обнажено.

— Ты! Ты осмелился назвать меня отцом? Здесь? Отлупить. Плеткой.

— Нет, нет, пожалуйста! — крик Торви был полон детского ужаса. Охранник опомнился, с новой силой зажал мальчика и грубо развернулся к выходу.

Торви, беспомощный и мелкий в его ручищах, отчаянно болтал ногами и руками, цепляясь взглядом за удаляющуюся фигуру короля, за лица советников. Дверь захлопнулась, отсекая последний лучик надежды.

Торви, не сдаваясь, продолжил выворачиваться в руках охранника. Лупил ногами, кусал руки и за каждую попытку получал такую встряску, что в голове звенело. Его потащили вниз по лестнице. Он упирался ногами в ступени, пытался выдернуть руки. Охранник не выдержал и швырнул парня вперед, в сырой полумрак подвала. Торви влетел внутрь, ударяясь плечом о стену, его волосы упали на лоб, а глаза полы-

хали яростью. В углу стояла деревянная стойка с ремнями, на стене висел хлыст. Иногда ему казалось, что эту стойку поставили специально для него, чтобы бить. Ведь оказывался тут Торви довольно часто. Охранник зашел следом, зажал мальчика в углу и сорвал хлыст со стены.

— Король сказал взять плетку, а не хлыст! — выкрикнул Торви. — Ты глухой или олух?!

Охранник лишь злорадно усмехнулся:

— А он не узнает.

Он рванул мальчишку к стойке, прикрутил тонкие запястья к деревянным поручням. Взмахнул плетью и кончик свистнул в воздухе.

— Нет, подожди... — начал Торви, но его слова растворились в свисте хлыста и собственном крике. Спину обожгло болью. Охранник замахивался снова и снова. На лице у него играло удовлетворение.

Скромная комната Торви с одним узким окном была залита косым дневным светом, в котором летала золотая пыль. Торви сидел на краю кровати, бледный, как восковая свеча. Пальцы сильно стискивали деревянное изголовье. Каждый позвонок проступал под кожей его напряженной спины, расчерченной несколькими лиловыми полосами — жуткими на фоне бледности.

Агафья, склонившись сидела рядом. В ее руке была тряпица, смоченная в кисловатом вине. Она касалась спины, и ее пальцы мелко дрожали.

— Агафья... больно... — выдохнул Торви, максимально подавляя слезы.

— Терпи, светлячок, — прошептала она. — Нужно, чтоб не завелась черная хворь, чтоб зажило.

Она провела тряпицей по самой страшной полосе, и он весь напрягся, вжав голову в плечи, но не издал ни звука.

— Как они могли...

Торви не ответил. Он лишь сильнее впился пальцами в дерево, словно это было единственное, что держало его в этом мире. Его взгляд был прикован к трещине на каменном полу, но он ничего не видел.

Агафья закончила, вытерла остатки вина мягкой сухой тканью. Потом, с бесконечной осторожностью, подняла с кровати чистую льняную рубаху и натянула ее на него. Ткань, скользя по ранам, заставила его сморщиться, резко втянуть воздух.

— Всё? — спросил он сухо.

Агафья молча кивнула, проводя ладонью по его непослушным волосам с невероятной любовью к этому мальчику.

Торви встал. Движение далось ему нелегко, но он выпрямился и молча направился к двери. Походка его была скованной, будто он боялся растянуть кожу на спине.

— Торви... — он замер, но не обернулся. — Подслуши-

вать было глупо, — сказала Агафья, глядя на его спину. — Но бить ребенка, бить тебя настолько сильно, куда глупее, куда подлее.

Торви стоял неподвижно секунду. Потом легонько кивнул и вышел, не обернувшись.

Он вышел из замка и направился в город. В кармане звенело несколько монет. Он зашагал по оживлённой базарной улице, даже не опуская лица. Люди, жившие здесь, знали этого странного мальчика из королевского замка. О нём ходило множество слухов: будто тот, кто прикоснётся к нему, сам станет таким же; будто его привезли из-за моря, чтобы забавлять короля; будто он личный пёс принца Эйрика. И так далее. Но среди всей этой молвы существовала и официальная версия о том, кто он такой. Этим не уставали тешиться некоторые городские мальчишки.

— Эй! — окрикнул его один из них, пока светловолосый мальчик покупал себе горячую булочку. — Опять ты?

За парнишкой стояло ещё двое ребят.

— Я тоже есть хочу, — продолжил он, глядя на булочку в руках Торви. — Мне же не повезло, как тебе! Твои родители не идиоты, не хотели растить уроды и подкинули тебя прямоком в замок. А наш король Харальд больно добросердечен к таким уродливым придуркам, как ты. Вот и оставил у себя!

Торви развернулся, чтобы уйти, не ответив.

— И куда ты? Отдай булку!

Мальчишки рассмеялись. Торви зашагал прочь, сжимая

булочку в руке. Он чувствовал, как они переглянулись, слышал, как зашуршали шаги за спиной. Он ускорился, но ноги слушались плохо, спина болела, тело ныло, и каждый шаг отзывался тупой болью.

Они быстро догнали его, отрезали путь, зажав между стеной дома и бочек. Торви оглянулся, сзади был тупик, впереди они. Он отступил на шаг, потом ещё один, и сам не заметил, как оказался в узком проходе между домами. Стенки сомкнулись и выхода уже не было. Он прижался спиной к шершавому камню и сжал булку.

Трое мальчишек угрожающе шли на него. Мальчик попытался вдохнуть, но воздух словно исчез. Грудь сдавило, а перед глазами поплыла мутная пелена. Торви словно оцепенел. Он смотрел на них, не в силах двинуться, и чувствовал, как ладонь липнет к тёплой корочке.

— Отдай!

— Да пошли вы! — крикнул он, но голос дрогнул.

Они набросились на него, и он сжался, не успев даже понять, что делает. Руки сами закрыли голову, плечи втянулись, булка оказалась прижата коленями к груди, и он зажмурился. Первый удар пришёлся по плечу, второй по голове, потом они посыпались отовсюду, и он перестал их различать. Особенно больно приходилось по спине: каждый удар особенно чувствовался в тех самых лиловых полосах, и слёзы сами подступали к глазам. Он сжимал зубы, утыкался носом в колени и изо всех сил думал о булке, как о чем-то хорошем.

Он не знал, сколько это длилось. Казалось, прошла вечность или всего несколько мгновений. А потом мальчишки закричали, уносясь, а удары стихли. Кто-то тронул Торви за плечо. Мальчик вздрогнул и вскинул руки, готовясь к новому удару. Но ему повезло: на шум из соседнего прохода вышел торговец. Увидев драку, он быстро разогнал мальчишек и подал Торви руку, помогая подняться.

— О Один, дитя. За что они тебя так? Давай помогу.

Торви резко отпрянул, ударив торговца по руке. Он вскочил на ноги, всё ещё сжимая булку, и в этот момент уже не смог сдержать слёз. Они хлынули сами: горячие, обжигающие щёки. Не вытирая их, он просто развернулся и побежал прочь так быстро, как позволяло избитое тело.

Торви ушел подальше от всех, туда, где его вряд ли найдет кто-то из взрослых. Он сидел на самом краю каменного парапета, на вершине самой высокой башни. Он впился пальцами в колени, поверх грязных ссадин и порванной ткани. Ветер безжалостно трепал его волосы, видимо пытаясь унести с собой тяжесть, что давила на плечи. На его нижней губе запекалась тонкая корочка крови.

Он сидел здесь долго. Смотрел, как внизу играют дети, как мечутся по двору слуги, как птицы садятся отдохнуть после долгого пути.

— Вы такие свободные...

Солнце успело опуститься и начать скрываться за горизонтом, уступая поглощающей темноте. И тут рядом, бесшумно опустился Эйрик. Он не смотрел на брата, просто сел так, что их плечи почти соприкасались, ощущая холод камня сквозь рубахи. Они сидели молча минут десять, наблюдая за садившимся солнцем.

— Я тебя весь день искал, — тихо прервал их молчание Эйрик, все еще глядя куда-то вдаль. — А потом встретил Агафью... — Он замолчал. Его взгляд скользнул вниз, к ссадинам на коленях Торви.

— Отец отправил корабли на захват в Инглинг. Но ни капитан, ни советники не в восторге.

Торви повернул голову, чтобы взглянуть на брата, но тот уже смотрел на него. В его глазах не было ни удивления, ни расспросов, только сосредоточенное внимание.

— Я никогда бы не добыл такую информацию, — сказал Эйрик. Напряжение, сковавшее плечи Торви, чуть ослабло. Не полностью ушло, но отступило. — Знаешь, никакой ты не шут, — продолжил принц. — Ты настоящий разведчик. Ты постоянно залезаешь на деревья подслушать что-то, можешь зайти, забраться куда угодно. Когда я стану королём, ты займешь место рядом со мной. Не слугой и даже не капитаном армии. Советником.

Торви замер, не поверив ушам. Потом, медленно, в самых уголках его рта наметилась едва уловимая улыбка.

— Эйрик, — прошептал он. — Ты же правда мой друг?
Эйрик нахмурился, будто услышал что-то странное.

— Что? Нет.

Торви снова замер.

— Я твой брат, — твердо сказал Эйрик. — А это лучше.

Улыбка вернулась на лицо Торви, стала чуть увереннее.

— Будем сидеть тут до тех пор, пока корабли не вернуться.
— тихо сказал Торви, а Эйрик лишь легонько кивнул.

ГЛАВА 5: ДЫМ НАД ЗАМКОМ

Солнце медленно растворялось в морской глади. Торви и Эйрик сидели на краю башни. Вечерний ветер елозил по их волосам, забирался под рубахи. Они смотрели, как последний луч скользнул по гребню волны и погас, оставив темнеющее небо и первую робкую звездочку.

Спустя время небо уже горело звёздами. Эйрик водил пальцем в воздухе по ним, соединяя точки в невидимые линии. Торви молча лежал рядом, только поворачивая голову за братской рукой. Вообще он не любил науки, от них клонило в сон. Но когда рассказывал Эйрик, всё менялось. Голос брата делал звёзды живыми, а линии на небе понятными.

На утро их нашла Элис, с холщовым свертком в руках. Внутри оказался тёплый хлеб и сыр. Торви сонно откусил кусок и скривился от соли. Эйрик, сидя на парапете, с аппетитом уплетал яства.

Дни на башне текли медленно. Они читали, играли в кости, рисовали углём на стенах, перешучивались, смеялись. Элис приходила и уходила, иногда оставалась ночевать. Но с наступлением вечера игры стихали. Они садились на парапет, свесив ноги над пропастью, и смотрели на море. Оно лежало перед ними, такое огромное, блистающее в закатных лучах. Но не было ни одного корабля, ни одного тёмного пят-

нышка на горизонте.

Камушки негромко постукивали о каменный пол. Торви и Элис склонились над расчерченным углём полем и вели свою маленькую войну. Камень мальчика удачно перепрыгнул через два деления.

— Опять моя взяла!

— Ты жульничаешь, — буркнула Элис, подозрительно щурясь.

— Я? Никогда, — с наигранным невинным видом ответил Торви.

Эйрик стоял у самого края, спиной к ним. Длинная подзорная труба была прижата к его глазу. Он методично, сантиметр за сантиметром, прочесывал линию горизонта. Вдруг его поза изменилась, пальцы сильнее сжали трубу. Он наклонился вперед, да так, что вот-вот перевесится через парапет.

— Нет, не может быть! — почти прошептал он с нарастающим торжеством, а затем резко обернулся. — Ребята!

Торви и Элис замерли, оторвавшись от игры, и подняли головы. Торви тут же воспользовался моментом и незаметно сдвинул свой камень на выигрышную клетку. Элис заметила это краем глаза и легонько хлопнула его по руке.

— Жулик!

Но уже через мгновение её внимание переключилось на

Эйрика. Он стоял с горящими глазами.

— Корабли! Вижу паруса!

— Правда?! — девочка первой сорвалась с места. Она подбежала к Эйрику, почти вырвала у него трубу и, приставив к глазу, стала вглядываться вдаль. — И правда! Корабли! Они возвращаются!

Она просияла и сунула трубу подбежавшему Торви. Тот взял её, поднёс к глазу и на мгновение его лицо тоже осветилось радостью — ожидание закончилось. Точки на воде медленно вырастали в знакомые очертания. Корабли возвращались, а значит, всё обошлось.

Но потом его лицо изменилось. Улыбка сползла, словно её смыло ледяной волной. Он медленно опустил трубу.

— Эйрик... — голос его прозвучал тихо. Он потянулся рукой за плечо брата, чтобы позвать того.

— Что? — обернулся принц.

— Это же не наш флот.

Улыбка сползла теперь с лица Эйрика. Элис смотрела на Торви, не понимая, потом перевела взгляд на горизонт и замерла. После этих слов тёмные точки на воде больше не казались спасением.

— С чего ты взял?

Он выхватил трубу из рук Торви и приник к окуляру. Минута вглядывания и его лицо, такое живое от радости, стало каменным.

— Не наши? — прошептала Элис.

— Не знаю. — Торви не отводил взгляда от Эйрика — Но у наших всегда красные флаги над парусами. А тут их нет. Ни одного.

В круглой линзе отражались не родные силуэты кораблей, а чужие — острые, как зубы, с чёрными незнакомыми вымпелами. Эйрик окаменел. На миг его лицо стало белее снега. Он рывком оторвался от трубы, повернулся к друзьям и решительно заявил:

— Я знаю кто это. Бежим!

Он развернулся и рванул к узкому проходу, ведущему вниз. Торви и Элис, не задавая вопросов, бросились следом. Их шаги громко отдавались в каменном горле винтовой лестницы. Спускаясь в полумрак, Эйрик вдруг резко затормозил, едва не сбив с ног бежавшую за ним Элис. Он схватил ее за руку.

— Слушай. — он повернулся к брату. — Ты находишь папу и маму. Где угодно. Предупредишь о кораблях, что они чужие и идут сюда. Я отведу Элис в безопасное место.

Торви кивнул, и в следующее мгновение они разбежались. Торви — вниз, в сердце замка, на поиски короля и королевы. Эйрик, крепко держа за руку растерянную Элис, — в боковой проход, ведущий в глубины каменной громады. Три силуэта растворились в темноте возле лестницы.

Торви мчался по коридорам, как вихрь. Слуги с пицанием шарахались, охранники у дверей растерянно поворачивали головы, не успевая даже окрикнуть. Его ноги шлепали по

плитам, дыхание рвалось из груди горячими клубами.

И вот он, тот самый охранник с большим носом, широкий, как дверной косяк, у самой двери кабинета. Их взгляды встретились. Брови охранника медленно поползли вниз, смыкаясь в знакомую, грозную складку.

— Мне плевать, что варится в твоём тупом котелке! — выкрикнул Торви. — Пусти меня к отцу... к королю! У меня важное послание для него! Срочное!

Охранник не двинулся с места. Он лишь медленно, будто давая понять, кто здесь хозяин положения, наклонился к мальчишке. Его лицо было настолько близко, что Торви почувствовал запах чеснока из его рта. В его маленьких, свиных глазах читалось лишь одно: удовольствие от возможности снова причинить боль.

— Вали отсюда, отщепенец, пока я тебя еще раз не отлупил, — прошипел он.

Страх снова подступил к горлу. Торви почти оцепенел, ноги стали ватными, взгляд заметался по коридору в поисках решения и наткнулся на массивную дубовую балку над дверью. На ней крепились тяжёлые шторы, а с балки спускалась толстая грубая верёвка для их подъёма. Мысль ударила быстрее, чем страх успел парализовать. Рывок в сторону и руки впились в верёвку. Торви повис на ней всем весом. Дерево скрипнуло, затрещало и не выдержало. Балка рухнула вниз с оглушительным грохотом, поднимая облако пыли, и увлекла за собой груды ткани и железа. Она пришлась пря-

мо на спину и плечи охранника. Тот рухнул, придавленный к полу.

В следующее мгновение, не оглядываясь на хрипы и ругань, Торви перескочил через охранника, дернул на себя ручку и ворвался в королевский кабинет.

Король стоял у высокого шкафа, его пальцы скользили по корешкам старых книг. Он медленно повернулся на грохот, и в его глазах мелькнуло сначала недоумение, а затем стремительно нарастающее раздражение.

— Ты что, мать его, творишь?! — прогремел его голос.

Торви, обернувшись на хрипящего под обломками охранника, метнул взгляд на отца. Он задыхался не только от бега.

— Отец, там корабли прибывают! — выпалил он. — Но не наши! Я видел! Эйрик видел! Никаких красных флагов!

Король с грохотом швырнул книгу, которую держал, на стол.

— Что за глупости ты мне городишь?

— Глупости? — Торви сжал кулаки. — Да послушай меня хоть раз в жизни!

Король, услышав этот тон, ахнул, будто его ударили. Его лицо из разгневанного стало ошарашенным, не верящим в такую дерзость.

— Пошел вон.

— Что?

— Пошел ВОН! — рявкнул король.

Торви замер. Ноздри раздулись, грудь тяжело вздымалась.

Он метнул последний взгляд на отца, полный немого обвинения, и развернулся. В дверях, опираясь на косяк и потирая плечо, уже поднимался опомнившийся охранник. Лицо его пылало яростью. Торви не стал ждать. Он рванул в сторону, проскользнул мимо него, как угорь, и бросился в бегство по коридору.

Как только дверь захлопнулась за мальчишкой, король резко выдохнул. Он прошел к окну, сняв по пути с полки длинную, украшенную серебром подзорную трубу. Грубым движением раздвинул тяжелые портьеры и прильнул к стеклу. Труба скользнула по горизонту. Раз, другой, он всматривался до рези в глазах. Но море лежало перед ним спокойное, пустынное, сверкающее в лучах заходящего солнца. Ни одного мачтового леса, ни одного темного пятна на ровной, безмятежной глади, никаких кораблей. Только вода и небо, сливающиеся в бесконечную, безмолвную синеву.

Эйрик и Элис неслись по тропинке, ведущей от замка к конюшням. Его ладошка намертво сжимала ее тонкую, почти хрупкую кисть.

— Быстрее! — поторапливал Эйрик. Он иногда оглядывался через плечо проверить ее.

Элис почти не поспевала, ее дыхание срывалось на рывках, но она старалась крепче цепляться за его руку.

— Еще чуть-чуть, давай! — подбодрил он снова.

Его взгляд был прикован к цели: к низким крышам конюшен внизу. Сейчас это казалось лучшим убежищем.

Прохладный полумрак конюшни поглотил их, когда они забежали туда. Эйрик, не отпуская руки Элис, окинул взглядом пустые стойла.

— Бьорн! Бьорн!

— Эйрик! — Элис одернула его, легонько ударив по руке. — Папенька уехал еще утром. В другую часть королевства, на сборы конюхов.

— Что?

Эйрик быстро осмотрелся, соображая и анализируя. Через полминуты он потянул девочку к дальней стене, где висела старая упряжь. Мальчик нащупал там знакомую веревочку и дернул. Сверху, с легким скрипом, спустилась потайная лестница на чердак, где хранили старое сено.

— Лезь туда. Они не найдут.

Элис смотрела то на темный квадрат люка, то на его лицо.

— Ну же, давай! Залезай!

Элис помедлила, теребя край платья. Потом шагнула к нему и неловко обняла, прижавшись лбом к его груди. Ей было страшно, и она просто искала, за что зацепиться. Эйрик на мгновение застыл, растерявшись, но потом осторожно обнял её в ответ, похлопал по спине.

В этот момент её пальцы скользнули к шее, нащупали застёжку цепочки. Щелчок, и кулон соскользнул с её шеи, по-

виснув на его груди. Она отстранилась, не глядя ему в глаза.

— Это на удачу, — тихо сказала она, отстраняясь.

— Все будет хорошо, чего ты — прошептал он, держа ее за плечи. — Мы переждем это и сразу встретимся. Ты еще не обыграла в Торви в камушки.

— Да, да, хорошо.

Они оба отвели взгляды. Элис быстро кивнула, развернулась и полезла наверх. Её силуэт на секунду заслони́л свет. Она уже взялась за перекладину, чтобы закрыть дверцу, но Эйрик вдруг кашлянул.

— Элис... Я слышал, как один из слуг пригласил девушку на прогулку. Сказал, что она ему мила. — он запнулся. — Миледи... не соизволите ли вы завтра прогуляться со мной? Я бы хотел показать вам... ну, тот холм у моря. Где чайки. Если вы, конечно, не против.

Элис замерла на лестнице, свесив голову вниз.

— Ты считаешь меня милой?

— Разумеется. — мальчик покраснел.

— Тогда я согласна, — она улыбнулась. — Завтра?

— Да, — быстро кивнул он. — Завтра.

Она не сказала больше ни слова. Только потянула веревку, и крышка захлопнулась.

Эйрик постоял внизу, касаясь пальцами кулона. Его щеки залились краской, и он чувствовал, как горят уши. Мальчик бросил последний взгляд на темный прямоугольник чердачного окна под крышей, сжав кулаки. Но потом он резко мот-

нул головой и развернулся, выбежав из конюшни обратно к брату.

Торви продолжал мчаться по коридорам. Широкая парадная лестница, по которой обычно поднимались неспешно, стала для него трамплином. Он брал ступени по две, по три, едва касаясь их носками. Он ворвался в анфиладу королевских покоев: мир шелков, гобеленов и тишины. Не сбавляя скорости, он налетел на инкрустированную дверь спальни и распахнул ее со всей силы. Дверь с грохотом ударилась о стену. Торви бросился к знакомой фигуре, застывшей в луче пыльного света от приоткрытой шторы. Прялка тихо жужжала в ее руках.

— Матушка! Корабли! Надо бежать! — он схватил ее за руку, прерывая монотонное движение.

Королева медленно подняла голову. Ее глаза, всегда такие ясные, были красными, воспаленными, веки неестественно припухли. А на шее, чуть выше кружевного ворота, виднелось странное пятно, не ровное, а с рваными краями, багрово-синее, как отпечаток.

— Ты чего? — спросил он.

Королева резко отвела взгляд, быстро, почти судорожно, вытерла ладонью щеку и спрятала руки в складках платья.

— Ой, вы с Эйриком опять в пиратов играете?

— Что? Нет! Какие игры? — он снова схватил ее за руку, уже не прося, а требуя. — Там правда вражеские корабли плывут! Надо уходить, пошли!

Он потянул ее к двери, но она не двинулась с места. Вдруг ее пальцы, всегда такие нежные, сжали его запястье с необычной силой.

— Да что с тобой? — вырвалось у него с нотками обиды. — Тоже не веришь мне?

— Верю, Торви, верю, — прошептала она. Её губы дрогнули в странной улыбке. Мать улыбалась так, будто наконец-то услышала хорошие новости. — Но король не давал приказа. Я обязана делать все по его строгому наказу.

— Ты же королева!

— Торви... — она наклонилась к нему. — В темных уголках жизни иногда приходится платить за выживание самыми страшными жертвами, о которых никто никогда не узнает.

Он сморщил лоб, глядя на нее, как на чужую.

— О чем ты? Я тебя не понимаю, пошли!

Она медленно, но очень твердо высвободила свою руку из его хватки.

— Нет. Я не пойду. Но ты беги, прячься! Хватай брата и убегайте!

Торви отпрянул, будто его окатили холодной водой. Он приоткрыл рот, но не смог издать ни звука. В его глазах погасли надежда, вера и понимание.

Он развернулся и начал отходить спиной вперед. Сначала

медленно, шаг за шагом, надеясь, что это все шутка, но потом зашагал все быстрее. Вскоре он выскользнул из комнаты.

Торви бежал вниз по широкой лестнице, но его бег уже был лишен цели, лишь инстинктивное движение прочь от увиденного. Он остановился посреди просторного, пустого коридора, пытаясь перевести дух и понять, что делать дальше. Но тут сзади раздались быстрые шаги, и чья-то рука резко толкнула его в спину. Он обернулся, перед ним стоял Эйрик, тоже запыхавшийся от бега.

— Спрятал Элис? — сразу спросил Торви.

Эйрик лишь коротко кивнул.

— Ты отцу сказал? — спросил Эйрик.

Горькая усмешка исказила лицо Торви.

— Были попытки, но наш дорогой папочка слишком занят, чтобы слушать всякую ерунду про вторжение. Если бы ты пошёл, может, он тебя бы выслушал. Хотя погоди, — Торви прищурился, его взгляд упал на шею брата. Он ткнул пальцем в холодный металл кулона, болтавшийся поверх рубахи. — Смотри-ка, какая милая безделушка! Это свадебный подарок? Тебе очень идёт. Особенно с выражением полного идиота на лице!

Эйрик мгновенно покраснел до корней волос.

— Торви, это сер...

БУМ!

Глухой сокрушительный удар прокатился откуда-то снизу, со стороны ворот. Стекла в окнах задрожали и зазвенели.

Мальчишки рефлекторно пригнулись, вжав головы в плечи. В следующее мгновение тишина коридоров разорвалась — сначала единичный крик, потом ещё, а затем целая волна звуков: пронзительная смесь ужаса, боли и команд. Гул голосов, топот ног, лязг оружия заполнили воздух, за секунды превратив его в густую, давящую кашу.

Эйрик первым вскочил к высокому арочному окну, вцепившись в каменный откос. Торви присоединился к нему в следующее мгновение.

Картина за стеклом была невыносимой. Не на горизонте, а уже у самого берега, в бухте, стояли чужие корабли, злоеющие, с черными парусами. Из их бортов вырывались огненные языки.

— Как?! — выкрикнул Эйрик, не веря глазам. — Они должны быть еще далеко в море! Я же только что...

Эйрик что-то говорит, н Торви не слушал. Его взгляд выхватил из мельтешения другую фигуру. Король. Харальд стоял в коридоре возле окна, застыв, на его лице был ужас. Он повернул голову в сторону и их взгляды с сыном встретились. В глазах Торви пылала немая ярость: «Я же говорил!» В глазах Харальда было лишь оцепенение.

БУМ!

Новый взрыв, ближе. Они снова пригнулись, осыпаемые пылью с потолка. И в этот момент чьи-то руки вцепились им в шиворот и с силой оттащили от опасного проема.

— Вы что, одурели?! От окна прочь! — проревел над

ними голос воина. Он отшвырнул их в глубь коридора, как мешки. — В укрытие!

Они не стали спорить. Подхваченные волной паники, понеслись вместе с толпой слуг, стражей, кричащих женщин, вглубь замка, от грохочущих стен.

ЕЩЕ ВЗРЫВ!

На этот раз удар пришелся прямо в стену где-то рядом. Замок содрогнулся, будто гигант ударил по нему кулаком. Витражи в дальнем окне, изображавшие каких-то святых, взорвались внутрь дождем разноцветных, острых осколков. Они звенели, как колокольчики, разлетаясь по полу. Ребята, пригнувшись, пробежали мимо, заворачивая за угол, чтобы укрыться от летящего стекла. И врезались во что-то мягкое.

— Вот вы где! Слава Велесу, живые! — знакомый голос прозвучал над ними, полный облегчения.

Агафья. Ее лицо было бледным и испачканным сажей. Она даже не стала их отчитывать. Просто схватила обоих за запястья и потащила за собой в узкий, темный боковой коридор, ведущий в глубь каменной толщи, подальше от грохота и смерти.

В королевской кухне было неестественно тихо. На длинных столах валялась брошенная посуда, на полу рассыпанная мука, следы поспешного бегства. Агафья, тяжело дыша, опустилась на колени перед огромным дубовым столом и отодвинула половицу. Из темноты она вытащила массивный сундук.

Эйрик и Торви стояли позади, наблюдая, как она, не глядя, перебирает грудку грубой, поношенной ткани.

— Снимайте одежду, — бросила она через плечо.

— Позволь переспросить, — Эйрик ошеломленно моргнул. — Снимать одежду? Типа... всю?

— Да. Быстрее!

— И исподнее? До голого тела? — не унимался Торви, пытаясь скрыть нарастающую панику. — Это новый прикид для бегства? Мода этого сезона «бегущий от армады»?

Агафья бросила на него взгляд, который заставил замолчать. Мальчики, покраснев и отведя глаза друг от друга, нехотя начали раздеваться. Королевские одеяния упали на грязный пол.

Она швырнула им холщовые, грубые, как терка, рубахи и заплатанные штаны на веревке. Эйрик натянул рубаху, и ткань тут же начала колоть кожу, вызывая мурашки.

— Что это вообще — начал он, но Агафья, не отвечая, уже присела перед Торви и туго затянула веревку на его новых штанах. Одежда висела на них мешками, делая их не принцами, а двумя тощими, испуганными парнишками.

— Теперь сойдёте за бедных сирот крестьян, — коротко констатировала она.

Затем женщина уперлась плечом в массивный дубовый шкаф для посуды. С трудом, со скрипом, он пополз по полу, открыв за собой узкую, темную щель в стене. Оттуда пахло сыростью и вековой пылью.

Торви вытянул шею, глаза его расширились.

— О, «секретный ход», — пробормотал Торви. — Как оригинально. У нас случайно не запланировано испытание с драконом в конце? Или троллем?

Агафья проигнорировала его. Она взяла их за плечи и решительно толкнула к черному проему.

— Бегите в лес. По нему на север. Ждите в старом дубе у ручья, что за мельницей. Я найду вас.

— Погоди, а ты? — Торви вырвался из ее хватки и обернулся.

Она не ответила. Женщина снова по-матерински подтолкнула их, проведя ладонью по спине каждого.

— Ну же!

Ребята, пошатываясь, ступили в темноту. Торви обернулся, а Агафья всё стояла в свете из кухни и смотрела на них. Ее лицо, такое родное, сейчас было грустным, но решительным.

— Торви! — ее голос прозвучал как удар кнута.

Он замер на секунду, а потом, сжав зубы, развернулся и скрылся в темноте тоннеля, увлекая за собой Эйрика. Агафья стояла, глядя в черноту, пока мальчики не скрылись из ее поля зрения. Потом тяжело вздохнула и с трудом задвинула шкаф на место.

Они вырвались из тайного выхода на задний двор. Воздух был наполнен запахом дыма и далекими криками. Не оглядываясь, они понеслись вниз по склону, к темной, спасительной стене леса.

Тропинка кончилась, осталась лишь холмистая поросль. И вдруг Эйрик резко дёрнул Торви за рукав, так сильно, что тот едва не полетел навзничь.

— Ты чего?! — выкрикнул Торви, вырывая руку.

— Нельзя так! Нужно помочь и другим выбраться! В городе люди!

— Нет! — отрезал Торви. — Слушай Агафью! Нужно спасти свои шкуры!

— Я должен поступить, как король!

— Но ты не король! Ты просто мальчишка, как и я.

Эйрик замер на мгновение, будто получил пощечину. Он посмотрел на брата, потом на клубы дыма, поднимающиеся из-за стен замка, затем на лес, манивший безопасностью. И сделал выбор. Он развернулся и бросился бежать не к лесу, а вдоль стены, в сторону пылающего города, в самое пекло.

— Какой же идиот. — прошипел Торви в пустоту.

А потом, не раздумывая больше ни секунды, сорвался с места и помчался следом. Он мог спорить, злиться, ненавидеть этот выбор, но не оставить брата одного. Даже если это значило бежать навстречу гибели.

Они ворвались в ад. Воздух города был густ от дыма и гари. Эйрик, не обращая внимания на Торви, пытавшегося

его удержать, кидался к перепуганным группам горожан, тыча пальцем в сторону леса, крича хриплым, срывающимся голосом: «В лес! Бегите в лес!». Торви метался за ним, как тень, пытаясь то схватить его, то оглядеться на новые звуки опасности.

Выстрелы!

Резкие хлопки, непривычные для этих улиц. И Торви замер. В конце переулка, залитого дымом, показались фигуры в пестрой, грязной одежде, с длинными, искривленными саблями в руках.

Эйрик резко дёрнул брата за руку, и они нырнули в первую попавшуюся щель между домами: узкую, вонючую, заваленную хламом. Они петляли, спотыкаясь о разбитые горшки, пробираясь все дальше от центра, ближе к спасительной темноте лесной опушки. И выскочили прямо на него. Перед ними стоял тощий пират. Увидев в его руке лезвие, Торви снова оцепенел. Весь мир сузился до этого стального блеска. Пират, хищно ухмыльнувшись, шагнул вперед. Но Эйрик не дрогнул. Его взгляд метнулся по земле, он схватил первый попавшийся булыжник размером с кулак. И, не раздумывая, не целясь, со всей силы швырнул его в лицо нападавшему. Камень со звоном угодил в лоб пирату. Тот ахнул, глаза его закатились, и он рухнул на землю, как подкошенный.

— Торви, не замирай! — рывкнул Эйрик, тряся брата за плечо.

Торви мелко, быстро закивал. Потом его взгляд скользнул за спину Эйрика, и глаза еще больше округлились в ужасе. Он сделал шаг назад, поднял дрожащую руку, указывая пальцем.

— Эйрик!

Но было поздно. Что-то тяжелое и тупое со свистом разрезало воздух и с глухим стуком обрушилось на затылок Эйрика. Тот не издал ни звука. Его тело обмякло и рухнуло на землю рядом с первым пиратом.

— Нет!

Торви вскрикнул. Перед ним стоял не человек, а гора плоти. Огромный, с рыжей бородой и волосами. В его руке была дубина, окованная ржавым железом. Инстинкт самосохранения заставил Торви схватить с земли камень. Он занес руку, мышцы напряглись для броска и... застыли. Страх, холодный и парализующий, сковал его. Он не мог разжать пальцы, не мог двинуться.

Пират медленно, словно наслаждаясь, наклонился, подобрал упавший из руки Торви камень, раздавил его в своей лапе, будто крошку хлеба, и бросил обломки в сторону. Торви попятился, споткнулся о корягу и шлепнулся на землю. Он, судорожно пятясь, пополз назад по пыльной земле, глаз, не отрывая, от надвигающейся громады.

Пират усмехнулся, обнажив редкие, желтые зубы. Он наклонился, его ручища впилась в холщовую рубаху Торви и подняла мальчика в воздух, как котенка. Торви завизжал, за-

бился в его хватке. И тут же, коротким, точным ударом тыльной стороной ладони по виску, пират погрузил его в темноту. Свет погас. Последнее, что почувствовал Торви, это запах дегтя и ощущение полета в бездну, прежде чем сознание растворилось в небытии.

ГЛАВА 6: НОЖ В ГРУДИ И КОРОНА В ПЕПЛЕ

Торви медленно открыл глаза. Мир качался и плыл, перед взглядом плясали чёрные точки, сливаясь в неясный силуэт. Голова раскалывалась, в виске пульсировала острая боль.

БАМ-БРЯЯЯСЬ!

Оглушительный металлический лязг раздался прямо над ухом, и холодная вода из ведра обрушилась на мальчишку с головы до ног.

— Святые суслики! — выкрикнул он, резко садясь и с трудом откашливаясь.

Рядом раздался еще один всплеск и подавленный стон. Эйрика окатили из второго ведра. Он тоже резко сел, мокрый, с мутным взглядом, потирая затылок.

Перед ними, в тусклом свете качающегося фонаря, стояла девочка. Она швырнула пустое ведро в угол и сложила руки на груди, опершись бедрами о деревянный стол. На ней были мужские потёртые штаны и кожаная безрукавка. Тёмные волосы небрежно стянуты в пучок, лицо загорелое, с румянцем и следами грязи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.